

Михаил Лабащук

Методологические аспекты объекта психологии и языкознания

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 4, 65-77

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

*Михаил Лабащук**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТА ПСИХОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Труды таких замечательных советских психологов, как Л. Выготский, С. Рубинштейн, А. Лурия, А. Леонтьев, А. Запорожец, Б. Теплов и мн. др. составили целую эпоху в истории не только советской, но и мировой психологии. Однако советские психологи с неизбежностью являлись «детьми» своего неоднозначного времени, поэтому им приходилось считаться не только со свободой своего волеизъявления в научном творчестве, но и с непреложными требованиями «единственно верной» на то время методологии.

В условиях идеологического противостояния мировоззрений XX в. ведущие психологи наряду с другими представителями философии, науки (в частности, языкознания) и культуры несли весь груз ответственности в обосновании или реализации исходных принципов исследования. По-разному объемно или тщательно обосновывая свои взгляды, они следовали общей линии, считаясь с невозможностью даже хотя бы латентно, имплицитно противостоять ей. В исследованиях в то время не допускались даже двусмысленность или намеки на иное понимание, поскольку такая имплицитность тут же выносилась на партийно-научное обсуждение с соответствующими оргвыводами. «Субъективность» исследования таким образом сводилась до минимума.

Даже сейчас недостаточно оценивается значение методологии в современных исследованиях. Между тем не только самые принципиальные, но и мельчайшие аспекты оказываются определяемыми исходными, не всегда осознаваемыми положениями и аксиомами исследования. До Октябрьской социалистической революции в России был представлен целый спектр методологических возможностей научных исследований. В годы советской власти в СССР уже безраздельно господствовала одна методология. С началом перестройки в СССР с середины 80-х годов общее ощущение свободы, перешедшее в ощущение вседозволенности, вырази-

* Лодзинский университет.

лось подобным же образом в методологии в представление либо хаоса, либо нигилизма.

Однако ни хаос, ни нигилизм не являются показателем нормального состояния научного исследования. Методологическая последовательность оказывается достаточно серьезным и ответственным испытанием для исследователя. Поэтому методологический эклектизм сразу же заметен для опытного глаза и воспринимается как исследовательская непоследовательность либо небрежность. Основных базовых методологий исследования (исследования не только современного или исторического, но и панхронического, потенциального) не так уж и много: как утверждает О. Лещак, не более четырех-пяти (см.: Лещак 2002). Остальные, переходные типы являются не эклектикой базовых методологий, а закономерными типологическими переходами методологий в соответствии с критериями строгой обусловленности.

Для современного научного сознания поучительно проследить, как в насквозь идеологизированном обществе многообразие методологических возможностей подгонялось под одно требование, как складывалось то состояние методологии в психологии, языкознании и психолингвистике, каким оно оказалось под конец XX в. В период господства материалистической методологии основной ориентир был предельно ясен всем: любые утверждения в любой сфере деятельности должны соответствовать признанию производности психического, рационального от материального, чувственного. Но препятствием этой исходной ясности были, по крайней мере, две причины: 1 – слишком крайняя полярность категорий *рационального* и *материального*, которая требовала заполнения противоположности между ними, сохраняя при этом их самоценность; 2 – собственно само значение данных категорий, понятность которых была неоспорима лишь на бытовом уровне либо на начальном этапе исследований, а на уровне терминов значение оказывалось расплывчато и многозначно, что сразу же проявлялось в исследованиях, особенно психологических.

Подобным было положение и в оценке «западных» методологий. В большинстве случаев «правильная» интерпретация идеологий облегчалась действительным упрощением подхода (например, в бихевиоризме), прозрачностью аксиом или явной декларацией исходных посылок (например, философия Гегеля, Фихте, Бергсона и др.), в других же случаях «правильная» интерпретация достигалась упрощением интерпретации идеологий или теорий (например, философия Канта, Джемса, Соссюра и др.).

Исследование своеобразия методологии диалектического материализма на примере научного творчества выдающихся психологов XX в. С. Рубинштейна, А. Леонтьева, А. Лурии и Л. Выготского хорошо показывает основные конфликты эпохи, органичную преемственность теорий или насильную их элиминацию. А. Леонтьев и А. Лурия являлись со-

ратниками и продолжателями теории Л. Выготского, а С. Рубинштейн являлся, если нельзя сказать антагонистом, то, скорее, сдержанным критиком творчества Л. Выготского.

На примере творчества отмеченных психологов легко констатировать, что в соотношении чувственности и рациональности в конечном счете упираются все проблемы психологических исследований. «Переход от чувственности к рациональности – коренная проблема психологии» (Лурия 1979: 14); «психическое является реальной стороной бытия и его отражения – единством реального и идеального» (Рубинштейн 1989: 13). Категории *монизма-дуализма, детерминизма-индетерминизма* описывают в своей основе отношения чувственности и рациональности в трудах по психологии советского периода. Материалистическая методология является монистической (сознание как высшая форма материи) и детерминированной в направлении от чувственности к рациональности, что настойчиво подчеркивается в теориях всех психологов.

Основные альтернативные методологии (помимо также критикуемых вульгарных материалистических теорий) укладываются в целом в два типа: 1 – (наиболее частая) методология монистическая, детерминированная от сознания к материи (объективный идеализм); 2 – дуалистическая, индетерминированная (независимые материя – сознание: рационализм, и неверно в этот тип относимый субъективный идеализм). Несколько сложнее спектр критикуемых методологий представлен в теории С. Рубинштейна (см. ниже).

Именно к отмеченным двум интерпретациям относит все идеалистические методологии А. Лурия. Это философии Декарта, Дильтея, Канта, Кассирера, Вундта (все ко 2-му типу) и др. В отношении к Канту, которого А. Лурия считал идеалистом, сделана оговорка: «На близких позициях к Декарту стоял и Кант». И далее следует неточная характеристика идеи трансцендентальности И. Канта как «процесса перехода от наглядного опыта к внутренним сущностям и обобщенным рациональным категориям, заложенным в существе человеческого духа» (Лурия 1979: 15). Однако, уточним – сущность идеи трансцендентальности состоит не в переходе, а в функциональном соотношении актуального опыта и априорных категорий субъекта.

Характерно, что методологические воззрения советских психологов критикуют дуализм взглядов своих оппонентов, но при этом благополучно избегают необходимости объяснения нестыковки собственных двух **одновременных** утверждений:

1 – выводимости отвлеченности (в частности, рациональности) из чувственности;

2 – выводимости логики из рациональности.

То, что логика выводится из чувственности, очевидно, представляется само собой разумеющимся. Но в таком случае это не намного отличается от критикуемого вундтовского «логического переживания». Например, А. Лурия неоднократно утверждает (ссылаясь на Л. Выготского): «Для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и **«категориального» поведения** не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а **во внешних условиях** жизни, и в первую очередь, во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека [выделение наше – М.Л.]» (Лурия 1979: 23). Тем самым объективация сознания, рациональности и логики переводится на уровень внешних феноменов – «внешних условий жизни». Безусловно, это не простая задача для тех, кто попытается искать логику в «социально-исторических формах существования».

А. Лурия часто демонстрирует, как делаются логические выводы, но не объясняет на основании чего (и откуда собственно сами основания?) они делаются. В целом не слишком сложно восстановить причину данного хода рассуждений: господствующая методология обязательно требовала детерминизма. Поэтому делается несложный вывод: изменение категорий поведения и мышления является результатом отражения организмом измененных условий внешнего мира. Первый решающий фактор – это общественный труд с разделением его функций и «новые формы поведения, независимые от элементарных биологических мотивов». Второй фактор – язык. Сначала «он [язык] выделяет предметы и действия, потом признаки предметов и действий и их отношений и наконец образование сложных синтаксических кодов целых предложений» (Лурия 1979: 24).

В вышеотмеченной цитате можно было бы воспринимать синтагму «язык выделяет предметы и действия, потом признаки предметов и действий... и т. д.» как метонимию суждения «человек выделяет при помощи языка... и т. д.», но все дело в том, что человек ничего не выделяет при помощи языка, при помощи языка он всего лишь закрепляет уже выделенное сознанием: причина и следствие меняются местами. Многие методологические недостатки, неточности вызваны невыделением и неразделением таких категорий как *онтогенез – филогенез, инвариант – вариант, сознание – мышление, язык – речь, идиолект – социолект* и особенно *система вербальных единиц – система понятийных единиц*.

Противостоя идеализму, объясняющему детерминацию сознания извне (от непознанного влияния высших духовных инстанций), А. Лурия попадает в другую крайность, утверждая детерминацию и исходность сознания от материальных и социальных феноменов: «[...] если бы у человека не было труда и языка, у него не было бы и отвлеченного

«категориального» мышления. [...] источники абстрактного мышления не внутри сознания, а вовне, в общественных формах исторического существования человека» (Лурия 1979: 25). См. также далее: «...корни сознания в социуме, в реальной действительности того языка, который позволяет нам выделять признаки объектов, кодировать и обобщать их». Это явная тенденция к феноменологизации общества, языка, стремление психологизировать внесубъектные явления. Кроме того, если и можно допустить, что язык может выполнять функцию выделения признаков (в филогенезе), то в онтогенезе он не выделяет признаки, а лишь выражает признаки, уже выделенные сознанием.

Проанализированное демонстрирует, что необходимость обеспечения материалистического детерминистического подхода в исследовании сознания («как основной задачи психологии» см. Лурия 1979: 23) объясняет только то, как применяются априорные категории субъекта в его актуальной мыслительной практике, в то время как вопрос сущности категорий обойден молчанием. Однако содержание научной теории состоит не только в том, что автор декларирует, но и в том, как он реализует и отстаивает свои декларации.

Весьма примечательным и показательным является то, как психологи дают определение предмета психологии. Симптоматичными при этом являются расставленные акценты, так как предметы психологии и лингвистики во многом перекрываются, почему и стало возможным (оправданным и необходимым) возникновение в середине XX в. психолингвистики. При этом, бесспорно, предметы психологии и лингвистики должны тем не менее оставаться самодостаточными и уникальными.

В частности, представим утверждение А. Лурии: «Анализ того, как строится наглядное отражение действительности, как человек отражает реальный мир, в котором он живет, как он получает субъективный образ объективного мира, составляет значительную часть всего содержания психологии» (Лурия 1979: 11). Пожалуй, только лишь первая часть определения («как строится наглядное отражение действительности, как человек отражает реальный мир») отличает предмет психологии от предмета языкознания, так как вторая часть определения («как он получает субъективный образ объективного мира») является также предметом психолингвистики и языкознания, особенно ономаσιологического направления в языкознании. Да и на первую часть определения, строго говоря, может претендовать физиология, что подчеркивает необходимость строгости критериев в определении объекта дисциплины.

Представленное в тексте А. Лурии последующее определение еще более сближает психологию с языкознанием: «Предметом психологии является не внутренний мир сам по себе, а отражение во внутреннем мире

внешнего мира, иначе говоря, активное взаимодействие человека с реальностью» (Лурия 1979: 23). В данной цитате резко противопоставлен внешний мир миру внутреннему, между тем как для такого противопоставления субъект имеет достаточным основанием только восприятия в виде сенсорной информации, которую трудно назвать именно «внешним миром» (подчеркиваем второй аспект термина). Этот «мир» – скорее, мир наших представлений. Языковая картина мира представляет именно мир наших представлений (хотя мир представлений и шире языковой картины мира)¹.

Безусловно, в отношении интересов психологов и лингвистов можно и необходимо говорить об асимметричности предметов их интересов, так как внутренний мир человека представлен не только семиотической сферой и тем более, определяя еще уже, не только вербальной сферой, но и эмоциональной, и понятийной и др. Однако эта асимметрия не может принципиально разделить психологию и лингвистику, поскольку, с одной стороны, семиосфера не существует сама по себе и не может быть адекватно оценена и исследована в изоляции от той живой основы общей психической деятельности, без которой она является всего лишь мертвым бесполезным инструментом. С другой стороны, «человек отражает реальный мир, в котором он живет» (как это сказано в вышеприведенной цитате) в высокой мере благодаря также (но не только) именно семиосфере.

Это хорошо осознавал основатель собственно, как донедавна говорилось, «чистого» языкознания (данное определение получило в языкознании самые разные коннотации) Ф. де Соссюр: «Чтобы иметь здравый взгляд на лингвистику, необходимо посмотреть на нее извне, но в то же время надо иметь некий опыт изучения изнутри наиболее впечатляющих языковых явлений. Лингвист, который является только лингвистом, и никем более, по моему мнению, не в состоянии найти верный путь классификации фактов» (Соссюр 1990: 152). Такое утверждение не может быть высказыванием классического «чистого» структуралиста, каким долгое время считали Ф. де Соссюра. Понятно, что подобное «расширение» трактования предмета языкознания требует и соответствующего его уточнения с внутренней стороны, что и было последовательно проведено Ф. Соссюром. Необходимость широты подхода тем более общепризнана

¹ См. также определение А. Лурии на с. 22: предмет психологии – «учение о сложнейших формах сознательной деятельности». Языковая деятельность (*language* в определении Соссюра) вполне соответствует определению «сложнейшей формы сознательной деятельности», не говоря уже о том, что как психология, так и языкознание занимаются не только проявлением сознательных действий, но также и бессознательных (например, в психологии *воображение*, в языкознании *фонематика*, *семантика* и мн. др.).

в современном языкознании. Однако, психологическое по своей природе, современное ономазиологическое направление языкознания уравновешено семасиологическим, структуралистским направлением в языкознании, которое в настоящее время более всего, пожалуй, стимулируется развитием компьютерной лингвистики.

Взаимоопределяемость объектов психологии и языкознания сейчас является тривиальным положением, но не всегда это положение было таковым. Психология всегда с легкостью трактовала проблемы, связанные с функционированием языка (и способностями, обеспечивающими это функционирование), как свою собственную сферу исследования. Тем не менее можно утверждать, что объект языкознания на настоящий момент определен более строго, чем объект психологии. Последнее связано, возможно, с тем, что объект психологии никогда не вызывал особых сомнений, а объект лингвистики приходилось утверждать², несмотря на скепсис, вплоть до XX в. И даже сейчас далеко не все исследователи достаточно ясно осознают сущность и уникальность объекта языкознания.

Например, мало кто из современных психологов последовательно осознает то непреложное положение языкознания, что вербальная семиотическая способность человека и процессы ее реализации представлены как минимум такими смежными, взаимообусловленными, но достаточно самостоятельными явлениями как «языковая способность» (потенциальная способность), язык (потенциальная способность), речевая деятельность (актуальная способность) и текстовый материал (онтологический статус этой категории является одной из самых сложных проблем гуманитарных и точных наук). Точнее будет сказать, что данные категории в психологии, безусловно, не являются неизвестными, но что их осознанность и, особенно, прозрачность их содержания являются очень недостаточными. А ведь именно эти категории являются основополагающими для поведения современного сформированного и поглощенного информацией человека (которого поведение и является предметом психологии).

² Ср.: «Какой иной науке предъявляют предварительное условие ее существования, заключающееся в том, чтобы она взяла на себя обязательство поставлять результаты, которые должны обогащать другие науки, имеющие другие предметы исследования? Это значит просто отказать лингвистике в своем предмете» (Соссюр 1990: 35), а также: «Нельзя найти такого объекта, с которым можно было бы вполне сопоставить язык, представляющий собой очень сложное образование; по этой причине всякие сравнения и всякие образы, которыми мы постоянно пользуемся, обычно дают нам ложное в каком-либо отношении представление о языке. Именно подобные ловушки, таящиеся за каждым привычным оборотом речи, вероятно, более всего препятствовали любой попытке создания метода в лингвистике» (Соссюр 1990: 42).

Знание структуры таких потенциальных явлений как *язык*³, *типология речемышления*⁴, равно как и *знак*⁵ и др., попросту необходимо современному психологу, так как они пронизывают поведение субъекта, определяя это поведение. Языкознание предоставляет психологии возможность более рефлексивно внимательно и осознанно отнестись к таким непреложным категориям как *потенциальность – актуальность, инвариантность – вариативность, динамизм – покой, онтогенез – филогенез, идиолект – социалект, детерминизм – индетерминизм, субъективность – объективность, монизм – дуализм, константность – релятивизм* и мн. др. Возможность большей осознанности данных категорий объясняется возможностью материальных следов их отражения в предметно-коммуникативной деятельности субъекта. К тому же отмеченные категории полностью зависят, как мы выше отметили, от предпочтений в возможном спектре методологий исследования.

Отмеченная недостаточность внимания в определении предмета психологии заметна и в теориях других психологов. Нельзя сказать, что определение объекта психологии С. Рубинштейном более выверено и специфицировано, оно тоже не является достаточно строгим (хотя этому посвящен целый отдельный раздел «Предмет психологии»): «Психология не изучает поведение в целом, но она изучает психологические особенности деятельности» (Рубинштейн 1989: 28); «[задача психологии] – познание психического посредством раскрытия тех объективных связей, которыми оно объективно определяется» (35); «Психология изучает [...] психические процессы и свойства конкретных индивидов в их реальных взаимоотношениях со средой» (39). Таким образом психика объясняется через психическое, а также через достаточно проблематичную категорию объективного. Соответственно, приходится извлекать предмет психологии из всех текстов в целом.

Самыми первыми обращают на себя в методологической части теории С. Рубинштейна следующие особенности: 1 – нестрогость терминологии и 2 – стремление в определении сознания к объединению в одной категории и потенциальности сознания, и процессуальности мышления.

³ Знание того, как потенциально возможно соединение интенционального мотива субъекта, лексических социально-коммуникативных значений и фонологико-грамматических средств внутренней формы языка.

⁴ Знание того, как потенциально возможна семантизация интенции в разных типах предметно-семиотической коммуникации и особенно того, как этим определяется ценность онтологических, гносеологических и прагматических аспектов данной деятельности и коммуникации.

⁵ Знание того, как в сигналах общения потенциально уравниваются и взаимобусловливаются форма и содержание, то есть семы разных типов восприятий субъекта, а также знание того, что и как обозначает знак.

Причем, второй аспект является не результатом небрежности или невнимательности автора, а, наоборот, даже намеренно акцентируется: «Основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности» (Рубинштейн 1989: 40); ср. также следующий комментарий К. Абульхановой-Славской и А. Брушлинского: «автор разрабатывал принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности, систематически не дифференцируя в самой психике объективно присущие ей два аспекта: психическое как процесс и как продукт (результат указанного процесса)» (– в комментарии: 40).

Акцентирование динамизма в психологической теории в период господства материализма в определенной мере и закономерно, так как именно детерминизм и деятельность (активная и преобразующая) являлись одними из самых востребованных категорий марксистской философии. Неразличение дихотомий основополагающих категорий присуще в целом концепции С. Рубинштейна. Однако мы акцентируем то, что далеко не всегда методологические декларации автора последовательно соответствуют теории, методике и практике исследований. Расхождение методологической и методико-практической частей теории особенно характерно творчеству С. Рубинштейна.

Кроме того, следует учесть, что в объяснении детерминизма идеального особо акцентировались именно аспекты психологии развития, диахронии, динамики психики. Философская категория диалектизма понималась именно как динамика: «Подлинный монизм в решении психофизической проблемы осуществим лишь на диалектической основе. [Это раскрывает] конкретное содержание нашего решения психофизической проблемы в духе единства, которое осуществляется и раскрывается в процессе развития» (Рубинштейн 1989: 115).

Напрашивается отдаленная аналогия с восприятием теории Ф. де Соссюра, которого долгое время несправедливо упрекали в логическом редукционизме и который, однако, выделял категории «язык» и «речь», а также разделял *синхронию* и *диахронию* не ради разделения, а для того, чтобы лучше понять сущность (собственно в синтезе) категории language «языковая деятельность». С. Рубинштейн, возможно, не столь скрупулезно (по разным причинам) относился к дихотомиям исследования, но приоритетом был всегда именно синтез: «Подлинной конкретной „единицей“ психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. [...] Только таким образом можно, в частности, построить подлинно жизненное учение о мотивации, составляющее основное ядро психологии личности» (Рубинштейн 1989: 44).

Как мы уже отметили выше, заметным недостатком концепции С. Рубинштейна является неразличение дихотомий «статика – динамика»,

«сознание-мышление», «потенциальность – актуальность», «инвариант – вариант» и др. Среди самых первых определений психического находим: «Если принадлежность индивиду, субъекту является первым существенным признаком психического, то отношение его к **независимому** от психики, от сознания **объекту** – другая, не менее существенная черта психического [...] Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание [выделения наши – М.Л.]» (Рубинштейн 1989: 13). Это принципиальное положение неоднократно подтверждается: «Сознание конкретного реального индивида – это единство переживания и знания» (17); «Будучи выражением субъекта и отражением объекта, сознание – это единство переживания и знания» (24) и др.

Из дальнейших утверждений [«Сознание – единство субъективного и объективного» (18) и «осознание совершается через включение переживания совершаемого субъектом акта или события в **объективные предметные связи**, его определяющие [выделение наше – М.Л.]» (19)] становится ясно, что субъективное относится к личности, а объективное относится к реальной, независимой от субъекта действительности. То есть, вне субъекта находится самодостаточный предметный мир (деревья, дома, горы, города, общество и др.) со своими «объективными предметными связями». Как говорит автор, «число этих связей принципиально бесконечно; поэтому не существует неограниченной, исчерпывающей осознанности» (19). Тем самым вводится представление об объекте, который вычерпывает исследователю каждый раз новое содержание.

Приведенные утверждения с очевидностью представляют феноменологизацию внеположенной субъекту детерминирующей «реальности». Во-первых, в одном определении объединяются *потенция* и *реализация*, *причина* и *следствие*, *способность* и *результат*, так как фактически оказывается, что переживание и знание – это у С. Рубинштейна не синхронически соотнесенные аспекты сознания, а смежные и последовательные состояния психики. То есть, собственно говоря, переживание и знание – это разные и по качеству (по степени осознанности), и по времени (диахронически) виды знания. Еще одним подтверждением нестрогости отношения к дихотомиям категорий является объединение в определении сознания трех категорий (сознания, мышления и результата мыслительной деятельности), так как в доказательство автор апеллирует к категории цели: «Когда мы говорим о сознательном усвоении знаний, мы имеем в виду такое усвоение знаний, при котором именно результат усвоения является сознательной целью индивида» (Рубинштейн 1989: 20). Понятно, что сознание как потенциальная инвариантная категория не может содержать в себе аспектов процессуальности, актуальности, результативности и прагматичности.

Отмеченные недостатки не только уравниваются, но даже «перевешиваются» общей функциональной направленностью и операциональностью исследований. Многочисленные методологические погрешности мы объясняем следствием общей идеологической атмосферой догматизма и насильственного принуждения «говорить с чужого голоса». Поэтому методологическая часть исследований являлась неизбежной проходной частью, хотя в то же время тем не менее принципиальной частью исследований со всеми вытекающими последствиями. Психологам приходилось постоянно сдерживать себя оглядкой на «основную линию» интерпретаций. Следствием необходимости постоянного лавирования было либо выверенное осторожное ограничение мысли в сторону догматизма, либо такое же выверенное, но неосторожное выражение «крайнего» мнения (как известно, именно из-за последнего неоднократно страдал С. Рубинштейн).

Возможным «обратным», отрицательным эффектом чрезмерного идеологического принуждения к акцентированию роли общества оказалось ограничение теоретического фактора социальности в теориях А. Лурии и С. Рубинштейна всего лишь к формальным упоминаниям⁶ без необходимой глубины осмысления отношений личности и социума. Достаточное внимание исследованию взаимодействию личности и социума уделил А. Н. Леонтьев. Известна прежде всего его социально-историческая теория возникновения психики, сознания и языка.

А. Н. Леонтьев считает, что в истории человеческого общества достижения в развитии психики не могли закрепляться морфологически, в виде биологически наследуемых изменений⁷: «[...] достижения в развитии психических способностей людей закреплялись и передавались от поколения к поколению в особой форме, а именно в форме внешне-предметной, экзотерической» (Леонтьев 1972: 185). Иногда связь сущности сознания

⁶ Ср.: А. Лурия: «источники абстрактного мышления не внутри сознания, а вовне, в общественных формах исторического существования человека», «[...] корни сознания в социуме» (Лурия 1979: 25); С. Рубинштейн: «значимое для человека [...] становясь лично-относительно-значимым, не перестает оставаться общественно значимым» (Рубинштейн 1989: 25); «появление и развитие сознания – этой высшей специфически человеческой формы психики – связано с развитием общественной жизни» (34); «сознание индивида размыкается не только по отношению к предметному миру, но вместе с тем и по отношению к общественному сознанию» (21).

⁷ Хотя здесь А. Леонтьев фактически противоречит себе, так как, например, в другом месте он утверждает именно о морфологических изменениях, отмечая следующее: «[...] относительно большую поверхность занимает в человеческом мозге проекция таких органов движения, как руки (кисти), и особенно органов звуковой речи (мышцы рта, языка, органов гортани), функции которых развивались особенно интенсивно в условиях человеческого общества (труд, речевое общение)» (Леонтьев 1972: 265).

с деятельностной социально-практической структурой внешнего человеку мира носит в его теории слишком уж «предметный» характер: «Даже в обыкновенной материальной промышленности под видом внешних вещей мы имеем перед собой «опредмеченные» человеческие способности» (Леонтьев 1972: 186), «[...] превращение человеческой деятельности в ее продукт выступит перед нами как процесс воплощения в продуктах деятельности людей их психических особенностей, а история материальной и духовной культуры – как процесс, который во внешней, предметной форме выражает достижения развития способностей человеческого рода» (там же). Возможно, подобные утверждения были уступкой канонам материалистической идеологии, так как в целом психика и сознание в теории А. Леонтьева характеризуются не категориями артефактов, а категориями деятельности, общения и мышления.

Обратим внимание на следующий важный аспект: основное внимание советской психологии было направлено против концепции психофизического параллелизма, в которой сознание воспринималось, скорее, как инвариант, как самодостаточность [«бездейственное сопутствующее явление реальных процессов» (см.: Рубинштейн 1989: 23)]. Этим собственно и объясняется крен в обратную сторону, то есть отрицание в большинстве теорий советских психологов инвариантности сознания. При этом происходит смешение, или неразличение, в частности, сознания и мышления. Напр., С. Рубинштейн совершает принципиально ту же ошибку, в которой он обвиняет западный и российский бихевиоризм: «Вместо того, чтобы в целях реализации объективизма в психологии преодолеть интроспекционистскую концепцию сознания, поведенчество отбросило сознание, потому что ту концепцию сознания, которую оно нашло в готовом виде у своих противников, оно приняло как нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить» (24).

Точно так же сам С. Рубинштейн отбрасывает инвариант, чтобы подчеркнуть принцип материалистической эволюции: «Опосредование сознания предметом – это реальная диалектика исторического развития человека. В продуктах человеческой – по существу своему общественной – деятельности сознание не только проявляется, через них оно и формируется» (25). Этому не следует особо и возражать, но именно потому, что не известно, как оно формируется – онтологично-синхронически или филогенетично-диахронически? Это попросту не разделяется. Внешние воздействия могут дать только содержание восприятий, но никак не их форму. Соотнесение переживания с объектом – это лишь часть характеристики переживания (именно как процесса), но есть еще соотнесение с инвариантом переживания и с инвариантом сознания.

То, что С. Рубинштейн не отрицает⁸ ни инварианта, ни функциональности видно больше не из его методологических утверждений, а из методической и практической части теории: «...по существу нельзя объективно установить психологический факт или проверить объективность психологического познания иначе, как через деятельность, через практику. [...] Субъективное чувство понимания – это симптом, который может быть обманчивым. Оно по существу заключает в себе гипотезу о возможных действиях субъекта. Эта гипотеза проверяется действием: понимание решения задачи определяется умением ее решить, а умение ее решить доказывается ее решением» (Рубинштейн 1989: 36). С. Рубинштейн является автором концепции двойной детерминации психики (за которую подвергся строгой критике и гонениям): «Первая связь психики и ее субстрата раскрывается как отношение строения и функции [...] Вторая связь – это связь сознания как отражения, как знания с объектом, который в нем отражается» (32). Данная концепция ближе, скорее, к дуализму функциональной методологии критической философии И. Канта, чем к монизму диалектического материализма.

Можно легко упрекнуть автора данной статьи, что сейчас легко критиковать исторически уже достаточно отдаленные взгляды в ряде случаев как «чересчур» материалистические. Впрочем, это и не ставится целью исследования (скорее, целью является проследить преемственность во взглядах научных поколений). Будем помнить о том, что данные взгляды нередко воспринимались как «чересчур» нематериалистические, за что и подвергались преследованиям их авторы, например, Л. Выготский и С. Рубинштейн.

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л. С.** (1982), *Собрание сочинений в 6-ти томах*, т. 2, Москва.
- Леонтьев А. Н.** (1972), *Проблемы развития психики*, Москва.
- Лешак О.** (2002), *Очерки по функциональному прагматизму: методология – онтология – эпистемология*, Тернополь–Кельце.
- Лурья А. Р.** (1975), *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва.
- Лурья А. Р.** (1979), *Язык и сознание*, Москва.
- Рубинштейн С. Л.** (1989), *Основы общей психологии: В 2-х т.*, т. 1, Москва.
- Слюсарева Н. А.** (1990), *О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию*, [в:] **Ф. де Соссюр**, *Записки по общей лингвистике*, Москва, с. 7–28.
- Соссюр Ф. де** (1990), *Записки по общей лингвистике*, Москва.
- Saussure F. de** (2004), *Szkice z językoznawstwa ogólnego*, Warszawa.

⁸ Более серьезным ему упреком может быть отсутствие оперирования категорией системности организации психических явлений.